

Все события этого романа вымышлены, все совпадения имен и лиц — случайны.

Глава 1

— То, что вы мне рассказали, очень странно...

Осторожно произнеся эти слова, Александра сделала паузу и взглянула на стоявшего спиной к окну человека, ожидая ответа. Но мужчина не шевельнулся. Он был неподвижен, как манекен, а тусклый свет, падавший в комнату из двора-колодца, не позволял как следует рассмотреть его лица.

— Слишком странно, — не дождавшись его реакции, повторила художница. — И наверное, мне следует отказаться от вашего предложения. Мне кажется, вы требуете от меня невозможного, и я не уверена, что смогу вам помочь.

— А я вот убежден, что только вам это по силам! Мне много о вас рассказывали!

Произнеся эту лестную фразу, ее собеседник сделал несколько шагов и оказался рядом с Александрой, которая невольно встала со стула ему навстречу. Теперь они стояли лицом к лицу, и художница подумала, что никогда еще не видела такой необычной внешности.

«Такой внешности у своего современника!» — уточнила она, стараясь не слишком явно рассма-

тривать хозяина дома, который внезапно задумался, словно забыл о ее присутствии. «Но в «Великолепном часослове герцога Беррийского» оно было бы на своем месте! Совершенно средневековый типаж!»

Человеку, на встречу с которым она специально приехала в Петербург из Москвы, было на вид около пятидесяти лет. При первом же взгляде на него поражала странная бледность лица. В ней не было ничего болезненного, скорее, это была блеклость кожи, почти не бывающей на солнце. Высокий лоб, вдавленные височные кости, крупный хрящеватый нос, слегка одутловатые щеки — все это словно сошло со средневековой миниатюры. Глаза, большие, бледно-голубые, выпуклые, влажно блестящие, казалось, созерцали нечто, недоступное зрению Александры. Она только успела подумать, что хозяин полностью ушел в свой внутренний мир, как тот вновь заговорил:

— Вы можете, конечно, отказаться от моего предложения. Вы осторожны, и это прекрасно! — Тут он одарил художницу улыбкой, в которой было очень мало веселья и много холода. — Я понимаю, у вас возникли подозрения, законно ли то, что я вам предлагаю. Ведь так?

— Увы... — Александра кивнула, не сводя взгляда с его лица. Оно притягивало ее, мысленно она уже набрасывала портрет этого человека. Давно ничья внешность не будила у нее такого творческого энтузиазма.

— Хорошо... — Мужчина перестал улыбаться разом, будто выключил улыбку. Его глаза не изме-

МАСТЕР ОХОТЫ НА ЕДИНОРОГА

нили своего отсутствующего выражения. — Я сам виноват, что вы насторожились. Надо было больше довериться вам и рассказать все. Вы ведь почувствовали, что я о чем-то умалчиваю?

...Она и в самом деле сразу поняла, что Павел (он представился ей так по телефону, и сейчас она знала о нем не больше) говорит ей лишь очень малую часть правды. Их общение началось два дня назад. Ей на мобильный позвонили с незнакомого питерского номера. Мужской голос, который она услышала, ей сразу понравился, и она даже толком не поняла, почему. Он был спокойный, в нем звучала холодноватая любезность, а это было ей в тот момент очень кстати: Александра целую неделю сражалась с истеричной заказчицей, переходившей на визг по ничтожному поводу. Общение с Павлом показалось ей по контрасту очень приятным.

Тем более ее заинтриговало приглашение приехать в Питер для переговоров насчет некоего художественного произведения. Павел попросил номер счета, чтобы перевести деньги на дорогу, и никаких деталей не сообщил. Лаконизм был предельный, это указывало на серьезность предстоящего разговора. Клиент явно, как огня, опасался утечки информации и несколько раз повторил, что слышан от человека, имевшего дело с Александрой, об ее умении хранить тайну. Имени этого человека он не назвал, а сама она не спрашивала, почувствовав, что отвечать на вопросы клиент не склонен.

Разумеется, Александра поехала. Она была рада хоть ненадолго вырваться из мастерской, которая по случаю летней жары превратилась в душгуб-

ку. Близкая крыша над мансардой дышала жаром днем и ночью. Открытые окна не спасали. Сквозняки, гуляющие по старому, вымершему особняку, чьи последние месяцы перед реконструкцией были уже сочтены, не освежали. Александре казалось, что она вдыхает и выдыхает огонь. Несколько пейзажей, взятых на реставрацию, хотя и обещали неплохой заработок, но навевали на нее скуку. К тому же заказчица, сдавшая их в работу, отчего-то сразу прониклась недоверием к Александре. Возможно, ей мерещилось, что художница, проживающая в заброшенном доме, может бесследно скрыться с картинами. Александре уже не раз приходилось сталкиваться с тем, что клиентов шокировало ее место обитания. Их можно было понять: они вынуждены были оставлять довольно ценные подчас произведения искусства в мансарде, отгороженной от мира лишь самой простой дверью, пусть и обитой ржавыми железными листами и запиравшейся на примитивные замки. Многих это пугало.

Александре, занимавшейся реставрацией картин и перепродажей антиквариата, становилось все труднее соперничать с конкурентами, принимавшими клиентов в современных мастерских, оборудованных сейфами и сигнализацией, разъезжающими на хороших машинах, подчас с охранником. У этой мастерской было единственное выигрышное преимущество — она располагалась в самом центре Москвы, на Китай-городе. Сама художница пользовалась безупречной репутацией и как реставратор, и как посредник в сделках между коллек-

МАСТЕР ОХОТЫ НА ЕДИНОРОГА

ционерами. Но ей не раз приходило в голову, что вскоре придется в корне пересмотреть свой образ жизни, чтобы продолжать работать.

«Конечно, такой огромной мастерской мне ни за что не снять, разве что за городом... — рассуждала она. — А если снимать помещение поменьше, мне негде будет повернуться со всем моим хламом... И потом, здесь я ничего почти не плачу за аренду, те гроши, которые с меня берет Союз художников, нельзя принимать всерьез. А вот на новом месте придется раскошелиться...»

Перспектива обновления очень пугала женщину. Она жила в этой мансарде пятнадцать лет, помещение досталось ей как бы по наследству после умершего мужа, которому оно и было первоначально выделено Союзом. Александра редко вспоминала свой брак добрым словом — недолгий союз с некогда талантливым, но совершенно погибшим, спившимся человеком, которым она увлеклась, будто в силу гипноза, был сущим мучением. Но сейчас она понимала, что ее независимое существование также было унаследовано от этого несчастливого брака. «Не выйди я тогда замуж — не было бы у меня этой мастерской. Не будь мастерской, за которую мне не приходилось платить, — не могла бы я быть такой разборчивой, беря заказы и совершая сделки. Из-за чего многие мои знакомые, люди образованные, талантливые, порядочные, от которых и ждать было невозможно, что они пойдут на сделку с совестью, все-таки участвовали в сомнительных махинациях с антиквара-

риатом? Им нужно было платить аренду — вот жестокая, простая правда. А я, значит, которая внутренне их осуждала, не платила, и потому могла сторониться от грязи!»

Призрак грядущего переселения все больше обрстал плотью. Месяц назад в особняк явилась большая комиссия. Что они обследовали, что рассчитывали нового обнаружить в доме, где в большинстве квартир давно провалились полы, лопнули трубы, а в подвале стояла вода — было неясно. Александра была в мастерской и открыла дверь, когда к ней постучали. Комиссия не задавала вопросов, не осматривала помещения, спросили только имя художницы и что-то отметили в своих бумагах. После Александра спустилась к своему единственному соседу, скульптору Стасу. Тот все еще обитал на третьем этаже.

— Видала? — приветствовал ее скульптор, растирая покрасневший шрам на лбу. Когда он волновался или выпивал больше обычного, шрам краснел. — Это перед самым концом. Пропали мы с тобой, ангел мой Саша!

— Думаешь, выселят? — уныло спросила она.

— Выселят, реконструируют... И вот увидишь, хоть дом и останется на балансе Союза художников, такое отребье, как мы с тобой, тут жить уже не будет! Его сдадут или распродадут по частям, как торт! Я удивляюсь уже тому, что мы так долго продержались, в самом центре...

Впрочем, скульптор сильно не унывал. Его служанка, по совместительству модель и муза, суровая старуха, ненавидевшая весь белый свет и всех жи-

МАСТЕР ОХОТЫ НА ЕДИНОРОГА

вых существ, за исключением своего подопечного, уже подыскивала ему мастерскую в ближнем Подмосковье.

— Ищи и ты что-нибудь, Саша! — посоветовал на прощанье Стас. — Не дожидайся, пока тебя выкинут с узлами на улицу... Чует мое сердце, от дома останется одна скорлупка... всю внутренность вычистят, и нас с тобой тоже... Как червей из гнилого яблока!

И скульптор захохотал, запрокинув кудлатую голову. Александра ушла от него, расстроенная. О ее будущем некому было похлопотать, и она была далеко не так беспечна. Художница решила браться за любые заказы и расходовать гонорары как можно экономней, чтобы не оказаться на улице в один прекрасный день. Обычно ей ничего не стоило растратить внушительную сумму за пару дней, купив необходимые книги, материалы для работы, и при этом она продолжала ходить в старой куртке с чужого плеча, питаться всухомятку и ездить на метро, потому что такси бывало ей не по карману. Копить деньги она не умела никогда, а сумма, необходимая для переезда в новую мастерскую, была чем-то настолько мифическим, что Александра боялась об этом думать.

И однако, когда пригласивший ее в Питер заказчик изложил всю суть задания, она готова была отказаться. Дело показалось ей странным и подозрительным...

— Собственно, скрывать мне нечего... — Павел расхаживал по комнате, и только порывистость его движений и выдавала волнение. Его лицо остава-

лось непроницаемым, а голос звучал ровно. — Просто я вас совсем не знаю... Но вы правы, совершенно правы, что насторожились.

Внезапно остановившись, повернувшись к женщине, он спросил, глядя прямо ей в глаза:

— А признайтесь, вы решили, что я склоняю вас к воровству?

Александра, которая не была готова к такому вопросу, нервно улыбнулась.

— Ну... честно говоря, такая мысль у меня мелькнула. Столько таинственности... И мою задачу вы описали так туманно... Мне показалось, — осторожно продолжала женщина, следя за лицом собеседника, на котором по-прежнему, ничего нельзя было прочесть, — что вы предлагаете мне, под выдуманным предлогом, незаконно проникнуть в запасники некоего провинциального музея... И помочь вам присвоить два хранящихся там старинных гобелена. Без ведома для хранителей...

Последние слова она произнесла уже почти шепотом, словно это могло смягчить их смысл. Павел, ничуть не смутившись, кивнул:

— Именно это я вам и предлагаю.

Несколько мгновений Александра думала, что ослышалась, до того безмятежно он произнес эти слова. И только когда их смысл стал ей окончательно ясен, покачала головой:

— Это невозможно. Будем считать, что я ничего не слышала.

Мужчина подошел к ней вплотную. Он стоял так близко, что она слышала его частое дыхание. Было ясно, что он очень волнуется.

МАСТЕР ОХОТЫ НА ЕДИНОРОГА

— Я не предлагаю вам ничего красть, только кое-что разузнать! Я хочу получить то, что мне принадлежит по закону!

— Для этого есть другие пути, — у нее тоже участилось сердцебиение и начал срываться голос. — Если в музее по ошибке оказалась ваша вещь, вы можете потребовать ее обратно через суд... Насколько это будет успешно, нельзя предсказать, но музей маленький, провинциальный, и если у вас будет хороший адвокат... Доказательства...

— Да нет же! — Павел с досадой хлопнул в ладоши, словно одним ударом уничтожая все ее возражения. — Никакой суд не докажет моей правоты! Она очевидна только для меня, и будет очевидна для вас... если вы меня выслушаете.

Рассказ его был прост, но от этого ничуть не терял в своей диковинности. Александра, оставшаяся против воли, сломленная напором собеседника, его уверенностью в своей правоте, слушала, как сказку. И впрямь, в этой истории оказалось немало сказочного.

Если то, что рассказал ей Павел в первый час знакомства, звучало, как слабо завуалированное приглашение к совместному хищению из музейных запасников, теперь его слова приобрели другой смысл. Он доверился ей, и даже его холодноватый голос приобрел новые проникновенные нотки.

— Надо было начинать не с конца, — признался он, — а с самого начала. Но отчего-то мне казалось, что вы поймете меня с полуслова! Так вот, гобелены, о которых идет речь, всегда принадлежа-

ли моей семье. Мы их лишились из-за стечения обстоятельств, вследствие обмана... Если бы вы знали, сколько несчастий пришлось пережить моим предкам...

По словам Павла, его прадедушка и прабабушка со стороны матери происходили с юга Беларуси, с Полесья. Обедневшие шляхтичи, так называемые однодворцы, не имевшие в начале двадцатого века уже ни земли, ни леса, ни слуг, они решились переехать в Петербург. Там прадед получил место на почте. Должность он занимал невысокую, но жалованья вполне хватало, чтобы снимать квартиру на Васильевском острове. Там у пары родилось двое сыновей и дочь.

— Как ни странно, сохранились фотографии... — Подойдя к старому секретеру, почерневшему от многократных лакировок, Павел выдвинул длинный узкий ящик и достал несколько снимков, наклеенных на картон. — Это просто чудо, что они уцелели...

Александра взгляделась в героев рассказа. На одном снимке был изображен представительный, усатый господин в сюртуке, опиравшийся на спинку кресла. В кресле сидела дама, затянутая в черное платье, с воротником под самый подбородок. В углу студии красовалась пышная пальма. Перспективу создавал раздвинутый бархатный занавес с кистями. На другом снимке, в той же студии, в том же кресле сидели маленькие мальчик и девочка. Их можно было отличить только по прическам: светлые кудри девочки спускались ниже плеч,

МАСТЕР ОХОТЫ НА ЕДИНОРОГА

у мальчика они были подстрижены вровень с мочками ушей. На детях были одинаковые черные пла-тьица с кружевными воротничками. Мальчик по-старше стоял рядом с креслом. Александра сразу отметила его сходство с Павлом и решила, что это его дед, но заказчик указал пальцем на девочку:

— Бабушка!

— Очень милая, — сказала Александра, подни-мая взгляд. — У вас ее глаза!

Собственно, у всех детей на снимках были свет-лые глаза навывкате, широко расставленные, с меч-тательным, ускользящим выражением, такие же, как у Павла. Мужчина кивнул, пряча снимки об-ратно в секретер:

— Я на нее похож. Так вот, когда началась Пер-вая мировая война, вся семья уехала из Питера, здесь стало голодно. Они отправились к дальним родственникам, на Волгу... Не правда ли, — горько усмехнулся Павел, — отличное место они нашли, чтобы скрыться от голода... Прадед заболел... Он умер где-то в дороге, на станции, от холеры. Там его и похоронили. Прабабушка несколько месяцев жила в деревне, рядом со станцией, она не могла решиться, куда ей деться с детьми, потому что той родни на Волги она не знала, это была родня му-жа. Решила вернуться в Питер, но дорога уже бы-ла отрезана гражданской войной. Тогда она на свой страх и риск поехала в Сибирь...

Вздохнув, он подошел к окну и приоткрыл его:

— Что за лето... жарко, как в топке.

— В Москве то же самое...